

ДВА БРАТА

BEN
ELTON

TWO BROTHERS

БЕН
ЭЛТОН
ДВА БРАТА

phantom press
Москва

УДК 821.111
ББК 84.(4Вел)
Э51

TWO BROTHERS by BEN ELTON
Copyright © 2012 by Ben Elton
First published as Two Brothers by Transworld Publishers,
a division of The Random House Group

Все права защищены.
Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе
на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования
возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с любезного согласия автора
и литературного агентства Синопис

Бен Элтон

Э51 Два брата. Роман. — Пер. с англ. А. Сафронова. — М.:
Фантом Пресс, 2021. — 512 с.

24 февраля 1920 года в Берлине рождаются два младенца, которым суждено стать братьями. В тот же день в Мюнхене создана Национал-социалистическая партия.

Пауль и Отто неразлучны и оба похожи на своих еврейских родителей, хотя совсем не похожи друг на друга. Они и не догадываются, что один из них приемыш, — более того, не еврей. Их отец играет по джазовым клубам, мать лечит больных, жизнь в Германии, еле приходящей в себя после Великой войны, потихоньку налаживается. Братья вместе растут, вместе дружат с одной девочкой, вместе влюбляются в другую. Но когда к власти приходят нацисты, жизнь меняется необратимо и страшно: в кошмарной стране внезапно важнее всего оказываются кровь и происхождение.

Бен Элтон — британский писатель, режиссер, сценарист ситкома «Черная Гадюка» и создатель мюзикла «We Will Rock You» — написал пронзительный и честный роман по мотивам истории своей семьи. Как и в жизни, здесь есть смех и слезы, нежность и злость, верность и предательства. Это история о том, чем готовы пожертвовать люди ради выживания — своего и тех, кого они любят. Что им делать с каждодневной ненавистью, с неотступной памятью, с неутихающей болью — и как из этого всего порой прорастают одиночество, страх и жестокость, а порой — доброта, мудрость и счастье.

ISBN 978-5-86471-675-5

© Stephen Mulcahey / TW, дизайн обложки
© А. Сафронов, перевод, 2014
© «Фантом Пресс», оформление, 2014
© «Фантом Пресс», издание, 2014, 2015, 2016,
2017, 2018, 2019, 2020, 2021

*Посвящается двум кузенам, моим дядьям:
Хайнцу Эренбергу, с 1939 по 1945 год
служившему в вермахте,
и
Джеффри Элтону, с 1943 по 1946 год
служившему в британской армии.*

Барышня на тележке

Берлин, 1920 г.

Очнувшись от сна, полного легких брыканий, Фрида Штенгель поняла, что ее ночная сорочка и простыни насквозь промокли.

Светало, но занимавшийся день не особо развеял хмурь и тьму долгой студеной ночи. В сумеречном воздухе зависали облачка дыхания. Фрида потрясла мужа за плечо и прошептала:

— Вольфганг, воды отошли.

Тот рывком сел в кровати.

— Так! — Вольф тарачил глаза, пробиваясь к яви. — Хорошо. Все чудесно. Действуем по плану.

— Еще не рожаю, — успокоила Фрида. — Боли нет. Схваток тоже. Однако все на подходе.

— Не волнуйся. — Вольфганг вылез из постели и споткнулся о свои башмаки, как раз на случай экстренной побудки стоявшие поближе к кровати. — У нас четкий план.

Фрида ждала двойню, и ей было обеспечено место в роддоме берлинского медцентра. От Фридрихсхайна, где жили супруги, до района Бух — несколько километров через весь город. Фрида влезла в одежду, надеясь, что малыши не поспешат.

Вольфганг взял жену под руку, и вместе они осторожно одолели десять лестничных маршей, отделявших их квартиру от улицы. В доме был древний тряский лифт, но супруги решили, что в столь ответственный момент нельзя доверяться крохотной железной клетке.

— Вообрази, если вдруг застрянем и ты родишь между этажами, — сострил Вольфганг. — А лифт рассчитан

на троих. Консьержка, стерва, наступит в домовый комитет.

Молодая пара ступила на обледенелый тротуар под нависшим, мрачным серым небом, которое будто отлили в знаменитых эссенских металлургических цехах Круппа и приклепали над Берлином. Нахохлившийся город мерз под стальными небесами. Военные и послевоенные зимы выдались суровые, и продрогшие работяги, что спешили на утреннюю смену, ежились под кусачими восточными ветрами, отбивавшими память об иных временах года. А ведь некогда вся Унтер-ден-Линден сияла липовым цветом, в парке Тиргартен старики скидывали пиджаки, а девушки ходили без чулок.

Однако в феврале 1920 года весна и лето были далеким воспоминанием, грезой о прекрасной поре до катастрофы Великой войны, разразившейся над Германией. Казалось, в небесах, навеки отлитых из пушечной стали, слышны оружейные раскаты, словно за горизонтом, на полях Бельгии, Франции и в бескрайних русских степях, еще гремела канонада.

Такси, конечно, не сыщешь, да и не по карману, а трамвайчики, как назло, затеяли очередную забастовку. Посему Штенгели заранее условились с местным зеленщиком, что одолжат его тележку.

С тележкой и букетом морковок, перевязанных розовой и голубой лентами, герр Зоммер поджидал их перед лавкой.

— Оба цвета, поскольку Вольф уверяет, что вы ждете мальчика и девочку, — пояснил он. — Одним махом полная семья.

— Будут мальчики, — твердо сказала Фрида. — Берегитесь, вскоре они начнут тырить ваши яблоки.

— Если будет что тырить, — печально вздохнул зеленщик, и Вольфганг покатил тележку, загромыхавшую на скользкой обледенелой мостовой.

На соседней улице протрещали выстрелы, но супруги оставили ее без внимания, как и топот, вопли и звон разбитого стекла.

Нынче стрельба, топот и звон стекла — просто городской шум, который уже не замечаешь. Звуки эти стали обычны, как крик газетчика, птичий щебет в парках и

перестук городской электрички. Народ не обращал на них внимания и, уткнув взгляд в землю, поспешал занять место во всевозможных очередях.

— Козлы, — буркнул одноногий ветеран, скача мимо на костылях.

— И не говори, — вслед бритому затылку под военной фуражкой бросил Вольфганг.

Упомянутые беспорядки газеты называли «революцией», но если это и революция, то сугубо немецкая. Чиновники ходили на службу, все учреждения работали. На тротуарах играла ребятня. В восемь тридцать секретарши садились за машинки. В ближайшем подвале кто-то кого-то до смерти забивал ногами.

Берлин спокойно занимался своими делами, пока в обеденный перерыв коммунисты и фрайкор* убивали друг друга.

Фрида и Вольфганг тоже были заняты делом — по крайней мере, Вольфганг, даже на холоде весь взмокший. Проклиная там и сям встречавшиеся баррикады, он толкал тележку по булыжным мостовым и наконец добрался до Линдербергер-Вег, где высилось величественное крыльцо знаменитой учебной клиники на пять тысяч коек, самой крупной в Европе.

Вольфганг остановился и, глубоко втянув обжигающий морозный воздух, снял Фридину сумку с тележки.

— Однако тяжеленькая, — выдохнул он. — Что, и впрямь нужны все эти книжки?

— Вдруг залежусь? — Грузно перевалившись через тележный задок, Фрида поморщилась, когда распухшие лодыжки приняли ее вес. — Надо кое-что доделать.

— Что ж, правильно, Фред. — Вольфганг с наслаждением закурил. — Ты вышла за музыканта. И он надеется, что когда-нибудь заживет жизнью, от которой не захочется отвыкать.

— Ты композитор, Вольф, не просто музыкант, — улыбнулась Фрида. — Родителям я говорила, что выхожу за нового Мендельсона.

* Фрайкор (нем. *Freikorps* — свободный корпус, добровольческий корпус) — полувоенные патриотические формирования в Германии и Австрии XVIII—XX вв. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Избави бог! Уж больно много мелодий. Ты же знаешь, Фредди, музыка типа «кофе с пирожным» не по мне.

— Людям нравятся мелодии. За них-то и *платяют*.

— Вот почему я уцепился за умненькую барышню, когда выпал шанс. Всякий джазмен нуждается в заботе по уши влюбленной докторицы.

Вольфганг обнял жену за неохватную талию и поцеловал. Рассмеявшись, Фрида его отпихнула:

— Вовсе не по уши, а жутко терпеливой. И пока я не врач. Надо еще одолеть выпускные экзамены. Осторожнее с книгами. Они библиотечные, чуть помнешь — штрафуют.

В Берлинском университете Фрида изучала медицину. И даже получала какую-то стипендию, во что никак не могли поверить ее глубоко консервативные родители.

— Хочешь сказать, там *оплачивают* образование? Даже *женщинам*? — недоверчиво спрашивал отец.

— Приходится, папа. Многие мужчины погибли.

— Все равно. Женщина-врач? — Жесткая щетка прусских усов, символ незыблемой уверенности, смятенно топорщилась. — Кто ж ей доверится?

— А если нет выбора? — парировала Фрида. — Папа, уже два десятка лет, как на дворе двадцатый век, ты подотстал.

— Ошибаешься, — мрачно возражал отец. — Он наступил лишь недавно, после отречения его императорского высочества. И один Бог знает, когда и как он закончится.

Фридин отец служил в полиции, мать гордо занималась домом. Он приносил жалованье, она вела хозяйство и воспитывала детей. Мировоззрение их сложилось при кайзере, и от политических и культурных потрясений послевоенной Веймарской республики голова у них шла кругом. Оба не понимали правительство, которое не способно остановить уличные перестрелки, но озабочено равенством полов.

А также не понимали зятя, который беспечно обзавелся семьей, но не мог оплатить такси, чтобы доставить жену в роддом.

— Если б папа увидел, что его дочь на бакалейной тележке везут рожать, он бы, наверное, тебя пристрелил, — сказала Фрида, тяжело взбираясь на крыльцо.

— Он едва не убил меня, когда я тебя обрюхатил. — Вольфганг шарил по карманам, ища направление в больницу.

— Он бы так и сделал, если б ты на мне не женился.

— Ага, вот оно. Все путем.

Сквозь большие парадные двери туда-сюда шастали озябшие больные.

— Вечером приду, — сказал Вольфганг. — Гляди, чтоб вас уже было трое.

Фрида схватила его за руку:

— Господи, Вольф, вот ты сказал... Нынче нас только двое, а завтра будешь ты, я... и наши дети.

Под порывом ветра она поежилась. Исконопаченный дождинками холод легко проникал сквозь ее ветхую одежду. Вольфганг вновь обнял жену, теперь не игриво, но страстно, даже отчаянно. Под бездушными гранитными колоннами огромного здания два продрогших человека прижались друг к другу.

Два молодых сердца бились в унисон.

И еще два, совсем юные, в тепле Фридино живота.

Четыре сердца, объединенные любовью, стучали в громадном аритмичном сердце из камня и стали. Берлин — сердце Германии.

— Верно, — сказал Вольфганг. — Ты, я и наши дети. Самое прекрасное, что есть на свете.

Сейчас он был серьезен и не пытался шутить.

— Да, на всем белом свете, — тихо ответила Фрида.

— Ну ладно. Ступай, Фред. Нюньтесь чертовски холодно.

Не было и речи о том, чтобы Вольфганг остался. В послевоенном Берлине мало кто из будущих папаш располагал временем слоняться перед палатой роженицы, всех одаривая сигарами*. Герр Зоммер ждал свою тележку, а Вольфганга, как и всех прочих в ту кошмарную зиму, ждали всяческие очереди.

— У Хорста дают мясо, — сказал он, спускаясь по ступеням крыльца. — Барашка и свинину. Раздобуду, даже если

* Дарить сигару в честь рождения младенца — традиция, насчитывающая столетия. Историки полагают, что она исходит от индейских племен, населявших доколумбову Америку.

придется заложить пианино. Тебе нужно железо, раз собираешься кормить сынка и дочку.

— наших сыночков, — поправила Фрида. — Будут мальчики. Уж поверь, женщина знает. Пауль и Отто. Парнишки. Счастливики.

— Почему счастливики? — спросил Вольфганг. — Если не считать того, что у них самая красивая на свете мама.

— Потому что они близнецы. Один за другого. Это жестокий город в жестоком мире. Но в любых тяготах наши мальчики всегда будут друг другу опорой.